

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Н.М. Смирнова

Образ и знак на перекрестье телесно-ориентированной эпистемологии и когнитивной лингвистики

Смирнова Наталья Михайловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

В статье рассмотрены теоретико-познавательные основания и философское значение когнитивного взаимодействия телесно-ориентированной эпистемологии с когнитивной лингвистикой. Показано, что в итоге подобного содружества сформулированы ключевые понятия, позволяющие выразить телесную обусловленность процедур лингвистической референции: опытный гештальт, образная схема и изначальная образная схема. Показано, что содружество телесно-ориентированной эпистемологии с когнитивной лингвистикой позволило углубить представления о месте языка в телесно-ориентированной теории познания, роли воображения в процессах референции, и сформулировать вывод, что неотъемлемой составляющей перцептивной интенциональности является ре-энактивация сенсорного опыта, продуцирующая образы воображения, неразрывно (но неявным образом) связанные с лингвистическим значением. Рассмотрен эвристический потенциал понятия «образная схема», введенного в научный оборот в результате междисциплинарного взаимодействия философии и лингвистики. Исследованы значение и функции образных схем в пространстве междисциплинарного диалога. Обосновано, что философская значимость понятия образной схемы как рекуррентного паттерна сенсомоторного опыта обусловлена тем, что с его помощью артикулированы более глубокие сенсомоторные основания абстрактного мышления и смыслополагания на основе современной телесно-ориентированной теории познания.

Ключевые слова: познание, телесно-ориентированная эпистемология, когнитивные науки, когнитивная лингвистика, образная схема

Когнитивная лингвистика в парадигме телесно-ориентированной теории познания

Натуралистический поворот в современной теории познания ознаменован ростом междисциплинарного взаимодействия эпистемологии и когнитивных наук о сознании. Наиболее плодотворной парадигмой их взаимодействия является диалог представителей этих дисциплин, их взаимное обогащение и взаимная критика [Лекторский, 2021, с. 5–7], обеспечивающая «перекрестное опыление» смыслов различных областей современного социально-гуманитарного знания.

Когнитивная лингвистика апеллирует к философии в поисках развитых представлений о соотношении языка и мышления, образа и знака, воображения и мышления и т.п. В свою очередь, философия черпает в профессиональных наблюдениях лингвистов за реальным функционированием языка эмпирический материал для углубления философских представлений о месте и роли естественного языка в когнитивной архитектуре. Когнитивная лингвистика поставляет эмпирический материал для философского изучения когнитивных механизмов трансформации данных сенсомоторного восприятия в порождающие структуры ментальной деятельности более высокого уровня (сверхсложные образы, абстрактные понятия, логические выводы и т.п.) – «перцептивного притяжения» высших форм рассудочной деятельности к чувственной основе познания.

Когнитивная лингвистика зародилась как форма междисциплинарного взаимодействия философии и лингвистики в 1960–1970-х гг. отчасти под влиянием лингвистического позитивизма Б. Уорфа, отчасти же – Р. Якобсона и неогумбольдтианства. Отцами-основателями когнитивной лингвистики принято считать выдающихся лингвистов Дж. Лакоффа (George Lakoff) и Л. Талми (Leonard Talmy), а также философа и логика, специалиста в области логической семантики М. Джонсона (Mark Johnson). Сегодня это течение охватывает широкий круг авторов, среди которых, помимо вышеупомянутых ее отцов-основателей, наиболее известны: Р. Грэди (Ronald Grady), Р. Гиббс (Raymond Gibbs), Т. Клоснер (Timothy Clausner), Б. Хэмп (Beate Hampe), Р. Дьюэлл (Robert Dewell) и Ж. Мандлер (Jean Mandler) и др.

Проведенные в рамках когнитивно-лингвистической программы эмпирические исследования роли естественного языка в познавательной деятельности человека позволяют обнаружить обусловленность многих когнитивных процессов структурой естественного языка. Содержание долговременной памяти, например, зависит от структуры языка постольку, поскольку грамматическое членение языка оказывает непосредственное воздействие на избирательность внимания. Зрительное восприятие зависит от структуры языка по той причине, что активация слова, содержащего визуальный семантический компонент, возбуждает нейронные зоны, непосредственно вовлеченные в восприятие референта. Восприятие звуков обусловлено фонетическими характеристиками конкретного языка, структурирующего слуховое пространство таким образом, что оно более приспособлено к различению фонетических вариаций родного языка. Подобно слуховой, моторная и артикуляционная системы структурируются

в соответствии с паттернами родного языка. Воздействие же вербального языка на жестикуляцию отражает систему ориентации, доминирующую в разговорном языке. Наконец, лексические паттерны естественного языка участвуют в формировании образов воображения. Предполагается, что они структурируют поле воображения в соответствии с грамматическим членением родного языка [Бородай, 2019, с. 106–136].

Подобные исследования позволяют существенно углубить философские представления о соотношении образной и знаковой составляющих человеческого мышления, не сводимые ни к пресловутой полушарной асимметрии человеческого мозга, ни к коннекционистским моделям автономных языковых модулей.

Становление телесно-ориентированной теории значений

Когнитивной презумпцией парадигмального поворота в лингвистике к телесно-ориентированному исследованию языка стало идейное размежевание с традиционными (абстрактно-объективистскими) теориями значения. Восходящие к античности, они представлены в де-семантизированной генеративной грамматике Н. Хомского, контрастирующей с устремлениями Дж. Лакоффа и М. Джонсона на эмпирическое исследование реальных языковых практик.

Воплощенный в традиционных теориях значения «миф объективизма» подразумевает, что значение, да и сам язык, не зависят ни от телесной конституции и социальной организации человека, ни от присущих данной культуре способов понимания. Логически завершенная позиция лингвистического объективизма означает, что значение предложения безразлично к тому, произносит ли его носитель языка, понимающий его смысл, натасканный попугай или же предложение случайно сгенерировано компьютером.

Отказ от объективистски-созерцательной концепции значений означает, что основания наших концептуальных средств следует искать в типологически значимых корреляциях нашего опыта, а отнюдь не в объектах самих по себе [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 183]. И хотя релятивистский вариант объективистского понимания значения допускает, что значение и условия истинности даны не в универсальных терминах, но лингвоспецифичны, тем не менее, объективистская трактовка значения исключает человеческое понимание как нерелевантное в отношении значений и условий истинности.

Антропологический подход к проблеме значения предполагает неразрывную связь лингвистического значения с воображением. Ибо неотъемлемой составляющей перцептивной интенциональности является ре-энактивация сенсорного опыта, продуцирующая образы воображения, неразрывно (но неявным образом) связанные с лингвистическим значением. Ключевой важностью обладает вывод отцов-основателей когнитивной лингвистики: «Значение... это феномен воображения (курсив мой. – Н.С.) и органическая часть процесса формирования внутренней согласованности между концептами» [Там же, с. 244]. Рациональность мышления, процессы референции, с одной стороны, неразрывно связаны с воображением, с другой, – усилия воображения всегда так или иначе рационально нагружены. Воображение активно способствует

достижению внутренней согласованности опыта, неотъемлемо присущей *опытному гештальту*. Скелетом же и несущей конструкцией опытного гештальта полагается *образная схема*, о которой далее и пойдет речь.

«Образная схема»: кантианские предпосылки и когнитивно-лингвистические импликации

Ключевой термин когнитивной лингвистики «образная схема» появился в одновременно изданных в 1987 г. в издательстве The University of Chicago Press монографиях М. Джонсона “The Body in Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason” и Дж. Лакоффа “Women, Fire and Dangerous Things: What Our Categories Reveal about the Mind” для объяснения телесно-воплощенного происхождения человеческого смысла и мышления¹. Наряду с когнитивной лингвистикой, траектории развития этого понятия идут от когнитивной психологии и психологии развития, а также от когнитивной антропологии и от компьютерных наук².

Хотя термин «образная схема» и считается терминологическим нововведением указанных авторов, идея схематической образности отчасти предвосхищена в попытках И. Канта решить фундаментальную теоретико-познавательную проблему: как понятия, трактуемые им как формальные структуры рассудка, применимы к принципиально иному материалу чувственного восприятия?

В известной главе «Критики чистого разума», носящей название «О схематизме чистых понятий рассудка» [Кант 2006, с. 255–266], философ находит искомое посредствующее звено в *трансцендентальной схеме*. При этом он оговаривает, что «схема сама по себе есть всегда лишь продукт способности воображения, но так как ее синтез воображения имеет в виду не единичное созерцание, а только единство в определении чувственности, схему следует все же отличать от образа» [Там же, с. 259]. Несколько упрощая: Кант утверждает, что трансцендентальная схема представляет собой деятельность воображения, синтезирующего чувственные данные для их последующего схватывания в понятии. Иными словами, трансцендентальная схема дает представление о всеобщем способе, каким способность воображения поставляет понятию его чувственный образ. Так что схематизм нашего рассудка «есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» [Там же].

Прозрения Канта о роли схематизирующей способности воображения в организации нашего опыта сыграли огромную роль в последующем развитии представлений об образных схемах. В рамках телесно-ориентированного

¹ В отечественной философии понятие образной схемы разрабатывает В.М. Розин [Розин, 2017].

² Понятие образной схемы несколько различается у представителей названных когнитивных наук. Это различие коренится в неодинаковом толковании термина “embodiment” – см.: [Clausner, 2005].

познания развиты представления об образных схемах как фундаментальных паттернах потока сенсомоторного опыта, перцептивных и моторных образцах взаимодействия организма со средой – базисных структурах нашего мышления. Их изучение означает рефлексивное вопрошание повторяющихся образцов нашего телесного опыта. При этом, в отличие от Канта, телесный опыт мыслится как объемлющий перцептивные, двигательные, эмоциональные и лингвистические измерения.

Исходя из презумпции телесной воплощенности человеческого познания, отцы-основатели когнитивной лингвистики постулируют, что все смыслы, процессы мышления и символической манифестации укоренены в рекуррентных паттернах чувственного восприятия и телесного движения. Все, что мы привыкли мыслить в системе дихотомических категорий, в оптике *embodied cognition*, предстает лишь различными аспектами непрерывного потока сенсорного опыта. При этом сама возможность абстрактного мышления и концептуализации обусловлена тем, что *body-mind* представляют собой не две различные субстанции, но аспекты восприятия единого потока сенсомоторного опыта. «Я предполагаю, что сама возможность абстрактного мышления и концептуализации непосредственно зависит от того факта, что *body-mind* представляют собой не две различные субстанции, но лишь абстракции от нашего длящегося коммуникативного опыта», – констатирует М. Джонсон [Johnson, 2005, p. 23]. Наше мышление зависит от паттернов сенсомоторного опыта, и то, что мы называем когнитивной активностью более высокого уровня, имеет глубокие (неотрефлектированные) корни в нашей телесной конституции и сформировано телесными восприятиями и движениями.

Философские импликации когнитивно-лингвистических исследований образных схем состоят в том, что они способствуют пониманию того, каким образом наш изначально отелесненный разум способен порождать идеальное пространство культурных предметностей. Образные схемы как паттерны сенсомоторного опыта играют решающую роль в смыслообразовании и способности к абстрактному мышлению. «Величайшее значение образных схем состоит в том, что они играют решающую роль в развитии теории телесного базиса концептуализации и мышления... Все возрастающее число выдающихся исследований показало решающую роль образно-схематической структуры в широкой области понятий, простирающихся от пространственных отношений и концептов движения до наиболее абстрактных понятий разума, сознания, знания, справедливости, права и ценностей», – убежден М. Джонсон [Ibid., p. 27].

Эвристическая значимость понятия образных схем состоит в том, что они позволяют с опорой на эмпирические данные артикулировать телесную, сенсомоторную природу различных структур нашей концептуализации и мышления. Концепт образной схемы конститутивен для объяснения телесно-воплощенных истоков человеческого мышления и смыслообразования. Рассматривая образные схемы как базис концептуализации и мышления, мы приближаемся к ответу на ключевой вопрос, как возникает смысл из телесного опыта, не прибегая к аргументам чистого (неотелесного) разума и автономных языковых модулей.

Значительный объем знаний об образных схемах исходит из лингвистического анализа их роли в семантике пространственных терминов и телесных операций. Исследования того, как функционируют слова, выражающие пространственные отношения в различных языках мира, проводились в 1970-х гг. Л. Талми и Р. Лангакером. Независимо друг от друга они пришли к выводу, что кросс-лингвистические различия можно изучать с помощью комбинации универсальных элементов – образных схем: пути, ограниченного пространства, силы, вместилища, совокупности, контакта и т.п. Посредством подобного анализа структурных измерений нашего сенсомоторного опыта образуется большинство базисных образных схем. Им отводится решающая роль в различении контуров нашей телесной ориентации и обретении смысла телесного опыта.

Образные схемы грамматически кодируются в языке различным образом: с помощью глаголов, предлогов, телесно-ориентированных метафор, морфем. Способ представленности образных схем в языке лингвоспецифичен и выражает типологические характеристики определенного языка. Однако, несмотря на обнаруженную ими лингвоспецифичность выражения движения и пространственных отношений, оба пришли к выводу, что число образных схем, имманентных значениям глаголов и предлогов пространственных перемещений, строго ограничено. Дж. Лакофф в 1987 г. предложил использовать для них термин «изначальная образная схема» (*primitive image schema*).

Лингвистический анализ нацелен на прояснение того, как различные языки используют и комбинируют изначальные образные схемы для продуцирования более сложных образов. Однако лингвистический анализ сам по себе не в состоянии объяснить их происхождения и функций в человеческом мышлении. Эта задача философского характера в содружестве с когнитивными науками.

Помимо чисто философских контекстов, понятие образных схем обрело права гражданства и в нейропсихологическом анализе в качестве промежуточной когнитивной инстанции между восприятием и концептом. Образные схемы зависят не только от того, какова наша физиология и тип среды обитания, но и от того, как работает наш мозг. Они порождены определенным типом мозговой архитектуры и физиологии, имеющих специфические *аффордансы*³. В оптике нейропсихологии они предстают ре-энактивацией рекуррентных паттернов сенсомоторного опыта: зрения, слуха, касания, обоняния, некоторых внутренних ощущений (голода, боли и т.п.). С их помощью мы придаем смысл нашему опыту и мышлению, в них же укоренены и базисные структуры наших абстрактных понятий. Схема воображения как повторяющийся динамический паттерн нашего перцептивного взаимодействия и кинестетического восприятия обеспечивает связность и структурность чувственного опыта.

---

³ Термин, введенный Дж. Гибсоном [Gibson, 1979].

Типология образных схем как паттернов сенсомоторного опыта

Человеческие тела обладают множеством сенсомоторных способностей, укорененных в размерах и конституции наших тел и в характеристиках различных сред обитания. Осуществляя рефлексивное вопрошание базовых паттернов сенсомоторного опыта, «мы проектируем право и лево, верх и низ и т.п., благодаря специфической телесной воплощенности в пределах горизонта наших перцептивных взаимодействий. Фактически само понятие горизонта является образной схемой» [Johnson, 2005, p. 20]. Наши перцептивные поля обладают сумеречной зоной скользящего перехода, благодаря чему мы имеем образную схему *центра-периферии*.

Благодаря воздействию на нас физических сил, мы практически постигаем структуру образных схем в паттернах «силовой динамики»: принуждение, притяжение-отталкивание, блокировка движения и т.п. Телесная логика таких силовых схем включает в себя представления о скорости, ритмах и блокировках движения. Мы имеем встроенные в телесность детекторы верха и низа, а также легкого и тяжелого, основанные на гравитации.

Помимо образцов силовой динамики, существуют паттерны и логика восприятий движущихся объектов и кинестетического смысла наших собственных движений. Благодаря эволюционно сформировавшейся способности к прямохождению мы придаем большое значение телесному опыту, организованному схемой *вертикали*. Мы также ощущаем прямолинейное движение, отличая его от движения по закругленной траектории. А поскольку мы постоянно контактируем с емкостями различных форм и размеров, то на практике постигаем и схему *вместилища* (container). Поэтому, слыша или прочитывая предлог «в», носители определенного языка активируют именно эту образную схему. Конечно, заключение в материнских объятиях и/или в тесной камерке порождает ощущения с различной аффективно-эмоциональной аурой, однако теория образных схем приписывает и тем, и другим одну и ту же образно-схематическую структуру (вместилища). Их различные типы и размеры предлагают различные типы *аффордансов* для мозга, тела и окружения.

Дж. Лакофф и Р. Нунец в работе «Откуда пришла математика: как телесно-воплощенный разум породил математику» [Lakoff, Nunez, 2000] обнаруживают великолепные образцы использования образно-схематических структур в общепризнанной «царице наук». Ими представлен детальный анализ концептуальных метафор, определяющих базисные понятия и операции в широких областях математики.

Названные авторы стремятся показать, что образные схемы, оперирующие внутри концептуальных метафор, обеспечивают возможность использовать логику нашего сенсомоторного опыта для выполнения высокоуровневых операций абстрактного мышления. Вот лишь два их элементарных примера. Базисные метафоры, посредством которых мы понимаем арифметические операции сложения и вычитания, оперируют на основе образной схемы *совокупность* (collection), включающей в себя образцы добавления/изъятия объектов в/из группы. Мы ощущаем в опыте корреляцию между сложением/вычитанием

и добавлением/изъятием объектов в/из этой совокупности. Подобные корреляции повседневного опыта – базис для концептуальных метафор сложения и вычитания, чьим ресурсным чувственным доменом является совокупность объектов, а абстрактно-целевым – арифметика. Метафора «арифметика – это совокупность объектов» отображает операции трансляции из ресурсного домена (коллекция объектов) в целевой домен (математическое сложение-вычитание) [Johnson, 2005, p. 25–27].

Фундаментальной метафорой математики является и образная схема «*исходный пункт – путь – назначение*» (source – path – goal), отражающая понимание нашего телесного движения. Несмотря на различные характеристики этого движения (пройденное расстояние, способ передвижения и т.п.), она выражает изменение положения движущегося. Эта базисная схема имеет собственную внутреннюю структуру (движущийся, начало, траектория, цель) и приложима ко множеству различных ситуаций движения. Образная схема «*исходный пункт – путь – назначение*» принципиальна для геометрии.

Предполагается, что образно-схематическое структурирование опыта осуществляется автоматически и неосознанно – мы не замечаем этого процесса. И если мы воспринимаем движение в/из помещения как инверсивный опыт, то лишь потому, что этот опыт уже структурирован в образной схеме «*исходный пункт – путь – назначение*», существующей до и независимо от лингвистических форм, используемых для описания нашего опыта [Dodge, Lakoff, 2005, p. 64].

Посредством подобного типологического анализа структурных измерений сенсомоторного опыта проявляется большинство базисных образных схем – *перцептивных прототипов*: вместилище, совокупность, путь, связь, сила, баланс, а также паттерны различных ориентаций и отношений: верх – низ, спереди – сзади, часть – целое, центр – периферия.

Концептуальное богатство нашего мышления не ограничено использованием элементарных образных схем, подобных описанным выше. Основной корпус более сложных образных схем формируется из базисных схематических структур путем их комбинации и суперпозиции, последующего развития и спецификации.

Образные схемы в структурировании неперцептивного опыта

Важнейшее допущение когнитивной лингвистики состоит в том, что существует множество базисных понятий, непосредственно не основанных на чувственном опыте. Поэтому эвристичность понятия образной схемы не ограничена рамками упорядочения лишь перцептивного, но охватывает и более широкие пласты повседневного опыта.

Так, несмотря на принципиальное значение перцептивного базиса образных схем, уже в ранних дискуссиях предложены кандидаты на схемы, непосредственно не связанные с какими-либо аспектами чувственного опыта. Так, схема *цикла* обусловлена не определенным чувственным опытом, но обобщенным паттерном любых повторяющихся состояний. И хотя мы ощущаем чувственным образом вращение колес велосипеда, смену дня и ночи, цикличность

своего дыхания, эти примеры непосредственно не связаны с определенным типом телесного опыта. Все ощущения, подпадающие под образную схему цикла, разделяют уровень абстрактности, относящийся к темпоральной структуре и осознанию сходных состояний [Grady, 2005, p. 36].

Схема *процесса* также очевидным образом не связана с каким-либо определенным чувственным опытом – она структурирует наше понимание множества текущих как физических, так и более абстрактных (мышление, эволюция и т.п.) процессов.

Базисом осознания интенсивности наших ощущений является *скалярная* схема. Она структурирует наш опыт в терминах «больше», «меньше», «такой же» и т.п. Скалярность является неперцептивным измерением ментальной структуры, независимым от множества специфических свойств. Она вносит вклад в линейное упорядочение качественных смысловых характеристик (высокий, большой, хороший) и обуславливает их градацию. Аналогично: причинность не привязана ни к какому-либо типу сенсорного опыта, но выступает детерминирующим фактором любой ситуации.

Различные измерения субъективного опыта даны в схематике различных *модальностей* (may, must и т.п.) [Sweetser, 1990, p. 48–62], непосредственно не связанных с телесным опытом. Они наделены не столько физическими, сколько социальными и эпистемическими смыслами.

Приведенные примеры свидетельствуют, что содержание понятия образной схемы не привязано исключительно к чувственному опыту. Поэтому образную схему уподобляют топологической карте, репрезентирующей всеобщие черты чувственных основ нашего познания – фундаментальных единиц чувственного опыта. Однако укорененные в схематических репрезентациях нашего сенсомоторного опыта понятия в телесно-ориентированной эпистемологии наделены особым статусом несущих конструкций человеческого познания. Когнитивно-психологические исследования свидетельствуют, что ментальные основания перцептивного опыта являются основополагающими для нашего познания.

Дискуссионные аспекты понятия «образная схема»

Эмпирическая лингвистика собрала огромный материал о роли образно-схематических структур в широкой области синтаксических и семантических феноменов в различных языках мира. Однако общепринятого определения этого понятия пока не достигнуто.

В работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона 1987 г. конституировано «жесткое ядро» понятия «образная схема». Но за прошедшие годы его содержание непрерывно обогащалось, обрастая новыми коннотациями и интерпретациями. В их числе такие, как предполагаемая до-концептуальная и подсознательная природа образных схем, предполагаемый статус универсальных когнитивных примитивов, уровень специфичности образных схем, их роль в обработке перцептивной информации⁴ и т.п. Толику дискуссионности в понятие «образная

⁴ Так, дискуссионным продолжает оставаться вопрос, сопровождают ли образные схемы перцептивную информацию или являются ее неотъемлемой частью.

схема» привносит и различие нюансов толкования термина “embodiment” в тех или иных когнитивных науках⁵. Продолжаются дискуссии о природе и когнитивных функциях образных схем, их связи с естественным языком, а также их роли в процессах воображения, референции и человеческом познании в целом.

Так, Б. Хэмп полагает, что в отличие от образов, доступных внутреннему созерцанию, образные схемы не визуализируемы и имеют чисто ментальное существование. Ссылаясь на Канта, она толкует их как *правила* синтеза воображения в отношении фигур в пространстве [Hampe, 2005, p. 5–6].

М. Джонсон же, ссылаясь на изыскания Дж. Дьюи, полагает, что образные схемы не являются чисто ментальными образованиями [Johnson, 2005, с. 19]. По его мнению, образные схемы не следует понимать ни как исключительно ментальные, ни как чисто телесные: это контуры того, что Дж. Дьюи (1958) назвал «ум-тело» для артикуляции телесно-умственной непрерывности опыта, связующего физическую активность в мире с деятельностью воображения и мышления. Изучая образные схемы, мы осуществляем рефлексивное вопрошание образцов нашего телесного опыта, лежащих в основе высших форм познавательной деятельности.

Даже столь краткий обзор дискуссий о природе образных схем приводит к выводу, что в их интерпретации следует избегать двух крайностей. Интерпретируя образные схемы как чисто абстрактную когнитивную структуру, мы игнорируем их телесное происхождение и ареал действия; трактуя же образные схемы лишь как телесный сенсомоторный процесс, мы не сможем объяснить когнитивных истоков абстрактной концептуализации и мышления. Поэтому недооценка *body-mind* недуральности образных схем грозит обвалом всего объяснительного проекта формирования абстрактного мышления на их основе.

Однако постулат недуральной реальности образных схем сам по себе еще не достаточен для понимания роли чувств в их структуре: чувства лишь *сопровождают* образные схемы или играют *конститутивную роль* в придании значения? Проще говоря, каков механизм «перцептивного тяготения» смысла к чувству?

Представители когнитивной лингвистики по-разному отвечают на этот вопрос. Дж. Грэди предлагает рассматривать образные схемы как *минимальный геиштальт*, имплицитно содержащий измерения нашего более богатого чувственного опыта [Grady, 2005, p. 44]. М. Джонсон же предполагает, что образные схемы содержат в себе качественное и нормативное измерения и абстрагирование от этих измерений неправильно, т.к. не способствует пониманию того, как мы конституируем и испытываем смысл в опыте. Образные схемы – не просто скелеты перцептивного опыта, но рекуррентные паттерны взаимодействия организма со средой, данные в чувственных качествах нашего опыта, понимания и мышления. Они очерчивают базисные контуры нашего опыта как телесных созданий. В силу этого они зависят от того, как работает наш мозг, какова наша физиология и тип окружающей среды, которую мы населяем.

⁵ Одно из них укоренено в широком контексте когнитивной психологии и нейронаук, несколько иное – в когнитивной антропологии и лингвистике.

Представления об образно-схематической структуре помогают схватить чувственные и качественные аспекты телесновоплощенного понимания и артикулировать важнейшие аспекты порождения человеческого смысла. Когнитивная нейронаука сводит воедино психологические и нейробиологические свидетельства, достигнутые в изучении образных схем как когнитивных структур, опосредующих «эпистемологический разрыв» между восприятием и понятием. В категориях нейронауки образные схемы не мыслятся как продукты некоторых якобы автономных нейронных модулей для продуцирования сенсорных образований. Скорее, они предстают образцами инвариантных структур в топологической нейронной карте различных сенсорных и моторных областей мозга. В рамках подобных дискуссий наиболее обобщенным определением образных схем является представление о них как об инвариантных топологических структурах в различных процессах перцептивного и моторного картирования нашего опыта.

Как видим, хотя понятие образной схемы и признано ключевым, нюансы его определения и функции в мышлении продолжают оставаться остродискуссионными⁶. Исследования в области образных схем в настоящее время сфокусировались на ситуативных конкретизациях этого понятия, равно как и на различных стратегиях, используемых в разных языках, для ссылок на образно-схематическое измерение опыта. Ниже приведены базовые характеристики образных схем, в отношении которых сегодня налицо определенный профессиональный консенсус.

Образные схемы возникают в сознании как *непосредственно осмысленные* (directly meaningful). Они представляют собой сгенерированные телесным опытом до-концептуальные структуры (pre-conceptual structures), укорененные в повторяющихся телесных движениях человека в пространстве и перцептивных взаимодействиях со средой [Hampe, 2005, p. 2].

Как необходимая ступень к языковой артикуляции образные схемы мыслятся высокосхематичными *эмпирическими гештальтами*, основная функция которых – схватывать и структурировать контуры сенсомоторного опыта, а также сводить воедино информацию различных форм чувственного восприятия. Важнейшая когнитивная функция эмпирических гештальтов состоит в том, что они осуществляют синтез информации от различных органов чувств, преобразуя ее в схематизм образов воображения.

Образные схемы как опытные гештальты не могут считаться врожденными. В эмпирических проекциях когнитивной лингвистики они предстают продуктами регулярного повторения и седиментации определенных опытных содержаний. Трактовка истоков понятий как *прототипически определяемых гештальтов* опытной природы [Clausner, 2005, p. 105–107] имплицитно отрицает *нативизм* в понимании их сущности. Иными словами, тезис о существовании пред-данных концептов-примитивов, на которых (якобы) основано наше изначальное восприятие мира, ложен. В парадигме когнитивной лингвистики причинность – один из наиболее явных претендентов на семантический

⁶ Кроме того, существует целый ряд степеней схематичности, которые разные исследователи могут подразумевать, используя это понятие.

примитив – предстает обычным эмпирическим гештальтом, порожденным опытом восприятия корреляции определенных событий. Концептуализация этого опыта в категории причинности обеспечивает необходимую связность нашего опыта [Gibbs, 2005, p. 110–111].

Образные схемы первичны в отношении уже сформировавшихся концептов. Они неявным образом присутствуют в опыте как аналоговые паттерны еще до их осознания (*conscious awareness*).

Наконец, образные схемы являются как внутренне структурированными, так и высокофлексивными. Их пластичность проявляется во множестве трансформаций, претерпеваемых ими в различных контекстах опыта [Hampe, 2005, p. 2].

Заключение

Непреодолимое значение когнитивного взаимодействия телесно-ориентированной эпистемологии с когнитивной лингвистикой состоит в том, что в итоге подобного содружества сформированы ключевые понятия, позволяющие выразить телесную обусловленность процедур лингвистической референции: *опытный гештальт, образная схема и изначальная образная схема*.

Значение образно-схематического анализа состоит в том, что он играет важнейшую роль в развитии теоретических представлений о телесном базисе познавательной деятельности человека. В парадигме телесно-ориентированной эпистемологии образные схемы предстают как рекуррентные паттерны взаимодействия организма со средой, данные в чувственных качествах нашего опыта, понимания, мышления и очерчивающие базисные контуры нашего опыта как телесных существ. Их философское значение состоит в том, что они связывают сознание и тело, внутреннее и внешнее, разум и чувства в недуальное единство человеческой экзистенции. В оптике телесно-ориентированной эпистемологии образные схемы предстают необходимой составляющей телесно воплощенного смысла и обеспечивают когнитивное основание абстрактного мышления.

Принципиальная философская значимость понятия образных схем состоит в том, что они выступают фундаментальными измерениями перцептивных репрезентаций и позволяют использовать структуры чувственности и моторных операций для понимания процессов смыслообразования и абстрактного мышления. Вкупе с анализом метафорической структуры языка они открывают дорогу к пониманию чувственных основ логического вывода⁷.

Однако не следует полагать, что образно-схематический анализ достаточен для понимания человеческого мышления. Сосредоточенность на повторяющихся структурах или паттернах организм-среда сенсомоторных взаимодействий оставляет в слепом пятне неструктурные, качественные аспекты

---

⁷ В. Джемс пошел и дальше, утверждая, что мы *чувствуем* логические связи, обозначенные предлогами «если... то», «но», «и», «или». Однако его прозрения о роли чувств в мышлении в свое время не были оценены по достоинству. И лишь спустя более века специалисты в области нейронаук обратились к прозрениям Джемса о роли эмоций в человеческом мышлении.

смысла и мышления – при всех оговорках об их изначальном присутствии в их структуре. Определение образных схем как повторяющихся структур нашего сенсомоторного опыта еще не позволяет учесть роль эмоций, квалиа, социальных взаимодействий, речевых актов и т.п. Однако их структурные аспекты могут быть предметом образно-схематического анализа.

Изучение структурных аспектов мышления еще не дает исчерпывающего понимания смысла. Смысл интенционален: он выражает то, как мы понимаем людей, события и ситуации, а это вопрос ценностей и структур релевантности. Так, качество нашего опыта, структурируемого образной схемой вместилища, различно в случае, когда мы пребываем в чьих-то объятиях или же созерцаем товар в упаковочной коробке. Это различие затрагивает не только качественно-эмоциональные аспекты, но и глубину вовлеченности в эти виды опыта. Структурное не может представить неформальное исчерпывающим образом, но и чувственный опыт не следует полностью отделять от его структурного понимания.

Нетрудно видеть, что исследовательская программа, замыкающаяся на строгую нейротелесность (*neural embodiment*), имплицитно подразумевает универсалистскую концепцию разума и оставляет в «слепом пятне» социально-культурные измерения – «всечеловеческое» (А.В. Смирнов) многообразие культурно-исторических основ познания. Понятие образной схемы не схватывает того, что придает мотивирующую силу и релевантность человеческому смыслу, его нагруженность эмоциональным и ценностным опытом.

Тем не менее натуралистический подход к познанию не означает элиминации конститутивной роли культуры: ограничения, накладываемые биологией и инвайронментальными характеристиками, оставляют достаточно простора для «неэлиминируемых культурных вариаций» (Б. Хэмп) в понимании человеческого смысла и разума.

Можно предположить, что дальнейшее развитие как самого понятия образных схем, так и принципа телесной воплощенности (*embodiment*) с его фокусировкой на телесном опыте потребует существенного расширения телесно-ориентированного познания путем его укоренения в социокультурно детерминированном контексте. Само же понятие образных схем требует более прочной привязки к культурно-специфическому, аффективно нагруженному опыту, определяемому не только телесными практиками, но языком и артефактами культуры. Пока же эти исследования остаются исключительно структурными, они оставляют в слепом пятне культурно значимые аспекты человеческого смысла.

Список литературы

- Бородай, 2019 – Бородай С.Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 106–136.
- Кант, 2006 – Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. Т. II. Ч. I / Под ред. Б. Тушлинга, Н.В. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с.
- Лакофф, Джонсон, 2008 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. под ред. А.Н. Баранова. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

Лекторский, 2021 – Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5–17.

Розин, 2017 – Розин В.М. Типы, строение и концептуализация науки // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 89–100.

Clausner, 2005 – Clausner T. Image Schema paradoxes. Implications for cognitive linguistics // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 93–110.

Dodge, Lakoff, 2005 – Dodge E., Lakoff G. Image Schemas: From linguistic analysis to neural grounding // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 57–91.

Gibbs, 2005 – Gibbs R. The psychological status of image schemas // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 113–133.

Gibson, 1979 – Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 332+XVI p.

Grady 2005 – Grady J. Image schemas and perception: Refining a definition // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 35–55.

Hampe, 2005 – Hampe B. Image schemas in cognitive linguistics: Introduction // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 1–14.

Johnson, 2005 – Johnson M. The philosophical significance of image schemas // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 15–34.

Lakoff, Nunez, 2000 – Lakoff G., Nunez R. Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being. N.Y.: Basic Books, 2000. 492 p.

Sweetser, 1990 – Sweetser E. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 174+XI p.

Image and sign at the crossroad of embodied epistemology and cognitive linguistics

Natalia M. Smirnova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

The paper presents epistemological foundations and philosophical significance of cognitive interrelations between embodied epistemology with cognitive linguistics. It has been demonstrated, that this cooperation led to key concepts' formation which presented embodied character of linguistic reference: empirical gestalt, image schema and primitive image schema. It has clearly been demonstrated, that the alliance of embodied epistemology with cognitive linguistics paved the way to deeper understanding the role of language in embodied theory of knowledge, the role of imagination in reference processes. It also led to the conclusion, that re-enactivation of sensory experience seems to be significant constituent of perceptual intentionality, which produced images, inseparably (but tacitly) tied to linguistic meaning. Heuristic power of "image schema" notion, derived in interdisciplinary cooperation of philosophy and linguistics, has been examined. Significance and functions of this key concept of cognitive linguistics within the framework of interdisciplinary dialogue have also been exposed. Philosophical significance of image schema concept

consists in the fact, that by means of this concept profound sensomotor foundations of abstract thinking and meaning constitution processes viewed in the framework of contemporary embodied theory of knowledge have been articulated.

Keywords: knowledge, embodied epistemology, cognitive sciences, cognitive linguistics, image schema

References

Borodaj, S.Ju. "Jazyk i poznanie: postreljativistskaja issledovatel'skaja programma" [Language and cognition: A post-relativistic research program], *Voprosy jazykoznanija*, 2019, no. 4, pp. 106–136. (In Russian)

Clausner, T. "Image Schema paradoxes. Implications for cognitive linguistics", *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 93–110.

Dodge, E., Lakoff, G. "Image Schemas: From linguistic analysis to neural grounding", *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 57–91.

Gibbs, R. "The psychological status of image schemas", *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 113–135.

Gibson, J.J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 332+XVI pp.

Grady, J. "Image schemas and perception: Refining a definition", *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 35–55.

Hampe, B. "Image schemas in cognitive linguistics: Introduction", *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 1–14.

Johnson, M. "The philosophical significance of image schemas", *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, ed. by B. Hampein, J. Grady. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 15–34.

Kant, I. "Kritika chistogo razuma" [The Critique of Pure Reason], in: I. Kant, *Sochinenija* [Works], vol. II, part I. 2nd ed., ed. by B. Tushling, N.V. Motroshilova. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 pp. (In Russian)

Lakoff, G., Johnson, M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By], trans. by A.N. Baranova. 2nd ed. Moscow: Izd-vo LKI Publ., 2008. 256 pp. (In Russian)

Lakoff, G., Nunez, R. *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being*. New York: Basic Books, 2000. 492 pp.

Lektorskij, V.A. "Filosofija pered licom kognitivnyh issledovanij" [Philosophy in the Face of Cognitive Research], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 10, pp. 5–17. (In Russian)

Rozin, V.M. "Tipy, stroenie i konceptualizacija nauki" [Types, Structure and Conceptualization of the Science], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 7, pp. 89–100. (In Russian)

Sweetser, E. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 174+XI pp.